

Ци Моюнь никак не мог представить, что в стенах праведной и благородной секты скрывается подобная пещера.

Внутри на цепях висели с десятков железных клеток, и в каждой из них томился человек. Мужчины и женщины — все как на подбор, с ослепительными лицами и в полуобнаженных одеждах. Из-за многолетнего заточения их кожа приобрела болезненную белизну, а тонкие пальцы бессильно цеплялись за прутья, словно лапки крохотных канареек.

Сосуды для культивации.

Секта Небесного Меча строго запрещала подобное. У Сун И не хватило бы духу послушаться, даже будь у него сотня жизней. Стало быть, нетрудно догадаться, кто отдавал приказы.

Ци Моюнь предполагал, что Гун Цяньшуй тайно держит сосуды, дабы его ученики могли срезать углы в совершенствовании. В конце концов, для Гун Цяньшуя не существовало пределов: ради того, чтобы воспитать могущественных адептов и купаться в лучах всеобщего восхищения, он был готов на всё.

Оказавшись в таком месте, Сун И перестал притворяться. Он махнул рукой младшим братьям, позволяя им развлекаться, а сам, подхватив Ци Моюня под талию, внес его в каменную комнату и бросил на кровать. Дверь захлопнулась, погружая пространство в густую тьму. Когда глаза Ци Моюня привыкли к полумраку, он увидел лицо Сун И — искаженное похотью, оно медленно приближалось.

— Если бы ты подчинился мне раньше, разве пришлось бы тебе терпеть такие страдания? — Сун И навалился на него, поглаживая щеку. Его взгляд потемнел, а дыхание стало тяжелым. — Учитель уже отдал тебя мне. Отныне ты исчезнешь из Секты Небесного Меча и станешь лишь моим сосудом. Будешь послушным — я не стану отдавать тебя другим.

— Не трогай меня!

Лишь в Секте Небесного Меча не нашлось ни одного человека, который не нуждался бы в пище, — и только Ци Моюнь был исключением.

Лин Уюй приподнял личико, размышляя: просто хотел, чтобы он попробовал блюда. Не верю, что и в этот раз он скажет, что это невкусно.

С такими мыслями Лин Уюй, чьи ноги, казалось, сами несли его вперед, быстро поднялся на Пик Духовных Лекарств.

Лин Уюй опустил корзинку и бросился следом.

Ци Моюнь прокусил губу, почувствовав во рту вкус крови. Перед глазами вспыхнула

ослепительно-красная пелена, в ушах зазвучал мерный стук деревянного молоточка — он словно вернулся в прошлую жизнь, прикованный к алтарю, где его кровь стекала по сложным узорам, пока не иссякла последняя капля.

Первым его порывом было спасти человека, но, уже сделав шаг, он замер.

У него с Ци Моюнем была кровная вражда, и дважды оказанная помощь — это предел его милосердия.

Система защиты всё еще сигналила, но сейчас жизни Ци Моюня ничто не угрожало, поэтому система не могла атаковать сама. Номер 996 мог воздействовать на окружающих только через хозяина, а теперь, когда Ци Моюнь был связан, он ничего не мог поделать, мечась, как муравей на раскаленной сковороде.

Раздался резкий звон меча, смешанный с воплем Сун И, и прозвучал чистый, юношеский голос:

— Сун И, как у тебя духу хватило на такое!

Что-то случилось.

Голос Ци Моюня оставался холодным, но в глазах Сун И страх, застывший на его лице, лишал его прежней отчужденности.

Сун И не сводил с него жадного взгляда, наблюдая, как Ци Моюнь упрямо кусает губы, отчего они становились алыми и нежными, пропитанными кровью.

В колебании он не заметил, как Божественный Меч Линъюнь, висевший за спиной, сам вылетел из ножен и сверкнул вдали.

Меч Линъюнь его матери!

Ци Моюнь был на пределе от ужаса, и теперь, когда спасение пришло внезапно, напряжение сменилось такой нестерпимой усталостью, что он тут же провалился в забытие.

Войдя в распахнутую дверь дома и увидев царивший внутри хаос, он лишь подтвердил свои догадки.

Ци Моюнь отвернулся, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Он был связан путами, удерживающими небожителей, и не мог задействовать Боевую систему. Он отчаянно рвался, не замечая даже, как веревки прорезали плоть.

В момент полного отчаяния прогремел гул, поднялась пыль — каменные ворота были разбиты, и яркий свет ворвался внутрь, больно ударив по глазам.

Мама, брат, спасите...

Лин Уюй поклялся: он готовил всё это вовсе не для Ци Моюня.

Внезапно он почувствовал, что атмосфера изменилась, и нахмурился.

Тишина. Слишком тихо. Несмотря на то, что стояла глухая зима, не чувствовалось никакой жизни, ни единого звука — это было крайне странно.

Когда Ци Моюнь очнулся, он обнаружил, что укрыт черно-красной мантией, а прямо перед ним парит белоснежный, украшенный золотом и нефритом меч.

Заметив, что Ци Моюнь открыл глаза, меч Линъюнь тут же перестал воинственно дрожать и, словно выпрашивая похвалу, прижался к груди юноши.

Ци Моюнь опешил от такой наглости и машинально обнял меч. Тот сразу обмяк, боясь пошевелиться, и, казалось, был готов растаять в его руках от счастья.

— Меч Линъюнь, ты... — Лин Уюй скрежетал зубами. — Как же ты можешь быть таким бесхребетным!

Ци Моюнь поднял голову на звук голоса.

Длинные волосы, закрывавшие лицо, соскользнули на плечи, и взору Лин Уюя предстало лицо, поражающее своей неземной красотой.

Ци Моюнь увидел свое отражение в разноцветных глазах юноши и, опустив голову, подумал: «Плохо, он увидел мое лицо».

Спустя мгновение его посетила другая мысль: «Интересно, сколько у главного героя Очков симпатии? Есть ли миллион?»

Хм... кажется, он слишком жаден. Пятьсот тысяч-то точно должны быть.

Ци Моюнь уже предвкушал, как в системном хранилище раздастся звук разблокировки.

Однако шло время, а система молчала. Он хотел было спросить номер 996, в чем дело и не случилось ли чего, но вдруг вспомнил: 996 из-за чувства вины отключился и ушел плакать в

сторонку.

Ци Моюнь снова посмотрел на Лин Уюя.

И лишь теперь заметил, что Лин Уюй вовсе не разглядывает его лицо — его взгляд был прикован к мечу Линъюнь в его объятиях.

— Меч Линъюнь, ты вернешься или нет? — хмуро спросил Лин Уюй.

Ци Моюнь посмотрел на меч.

Великий меч, способный резать железо, словно грязь, теперь старательно прятал свою остроту и испуганно жался к его груди. И прижимался всё крепче, совершенно не желая уходить.

Лин Уюю ничего не оставалось, как подойти и попытаться забрать его самому.

Как только рука Лин Уюя коснулась меча, Ци Моюнь сжал рукоять и спрятал его за спину.

Их взгляды встретились — они стояли так близко, что их дыхание перемешалось. Ци Моюнь отчетливо видел искры в этих разных глазах.

Система по-прежнему молчала.

Ци Моюнь был искренне озадачен. Неужели на главного героя не действует Обаяние всеобщего любимца?

Лин Уюй быстро отвел взгляд и равнодушно произнес:

— Это мой меч.

Ну вот, Лин Уюя куда больше волнует его оружие.

Ци Моюнь протянул меч Лин Уюю. Стоило оружию вернуться к хозяину, как оно вновь стало острым и грозным.

Ци Моюнь плотнее запахнул черно-красную мантию. Вставая с кровати, он заметил, что она короче его нижней одежды, но посчитал это мелочью. А вот Лин Уюй явно заметил и, судя по всему, остался этим крайне недоволен.

— Ты еще мал, — сказал Ци Моюнь, — обязательно вырастешь.

Лин Уюй: «...»

Ци Моюнь, не осознавая, что только что уязвил детскую гордость юноши, встал перед ним и спросил:

— Что ты думаешь о моей внешности?

Лин Уюй не ожидал такого вопроса. Его ресницы слегка дрогнули, а в разноцветных глазах промелькнуло замешательство, словно перышко упало в зеркальную гладь озера.

«Какая... какая прелесть».

Ци Моюнь не ожидал, что первым сложит оружие он сам.

Лин Уюй вложил меч в ножны и с предельной серьезностью ответил на вопрос Ци Моюня:

— Сун И и остальные спорили: «Твоя внешность может сбить с пути сердце». Но ты ведь не демон-искуситель, как ты можешь соблазнять? Это лишь дурные помыслы похотливых людей. Древние говорили, что красота — это бедствие, но это лишь оправдание мужчин, не желающих брать на себя ответственность. С тобой то же самое. А значит, в твоей внешности нет никакой вины.

Ци Моюнь всего лишь хотел узнать, красив ли он, но после такого серьезного ответа продолжать расспросы означало бы выставить себя самовлюбленным нарциссом.

— В этой ситуации ты — жертва. Я расследую всё беспристрастно и доложу Учителю и исполняющему обязанности главы секты о том, что Сун И держал сосуды, — Лин Уюй повернулся, чтобы уйти. — Я просто оказался поблизости, а не помогал тебе по своей воле. Ты по-прежнему преступник, не забывай об этом.

Ци Моюнь обдумал его слова: «Каждому свое — ты всё еще убийца моей матери».

Лин Уюй уже был у выхода из каменной комнаты, когда услышал голос Ци Моюня:

— Младший брат Гун уже официально принял тебя в ученики?

Лин Уюй остановился:

— Завтра на Церемонии выбора учеников в присутствии Патриарха-наставника я официально заключу договор с Учителем и стану его личным учеником.

Ци Моюнь:

— Ты ему веришь?

Лин Уюй помедлил:

— Учитель — человек такой чистоты и благородства, почему бы мне ему не верить? Что до сосудов, Сун И уже признался, что делал это за его спиной.

Ци Моюнь промолчал.

Когда Лин Уюй ушел, Ци Моюнь вернулся на Пик Духовных Лекарств.

Вид царящего повсюду хаоса заставил его схватиться за голову. Он решил сначала поспать, а завтра проверить, не осталось ли на Пике парочки демонических зверей — в таком случае он заставит их навести порядок.

Перешагивая через обломки, он заметил изящную корзинку с едой.

От нее исходило слабое свечение духовной силы, поддерживающее тепло. Ци Моюнь открыл крышку — и в нос ударил манящий аромат.

Внутри лежала рыба, приготовленная тремя разными способами: тушеная в красном соусе, на пару и острая в масле. Выглядело это так аппетитно, что слюнки текли сами собой.

Когда номер 996 снова вышел на связь, Ци Моюнь уже доедал содержимое корзинки.

Система решила, что всё еще спит, потому что услышала, как её хозяин произнес:

— Я хочу вернуть всё, что по праву должно принадлежать Ци Цзинчжи.

Включая ученика, который тоже должен был принадлежать Ци Цзинчжи.

<http://bllate.org/book/22076/2295634>